

14 декабря 1825 г.

Оригинал здесь: [Хронос](#).

Петр Андреевич Каратыгина (1805-1879) родился в театральной семье, обучался в Петербургском высшем училище, а с 1816 по 1825 год -- в. театральном. После удачного театрального дебюта в 1823 году принят на службу в Императорский Александровский театр. П.А.Каратыгин был автором очень многих водевилей, драматических пьес, переводов на злобу Дня. "Записки", отрывок из которых воспроизводится ниже, написаны П. А. Каратыгиным в 50-60-х годах, но опубликованы в С.-Петербурге только в 1880 году.

"В конце ноября было получено известие о неожиданной смерти Александра. Это событие всех сильно поразило. Все почти непритворно об этом плакали и в преемнике Константине не много ожидали доброго. Появились гипсовые бюсты, портреты Александра с печальными эмблематическими изображениями; траурные кольца с надписью "Наш ангел на небесах"; все это покупалось тогда нарасхват. Прошли смутные, тяжелые две недели междуцарствия, в продолжение которых успели налитографировать портреты Константина Павловича с надписью "Император всероссийский". Приближалось грозное 14 декабря.

В народе носились зловещие слухи, что общественное мнение сильно разделено относительно преемника престола. На рынках и в мелочных лавках, куда стекаются из низших слоев народонаселения разные городские сплетни и толки, распространялись темные слухи. Так, и наша прислуга слышала 13 декабря, что завтра назначена войскам присяга, но что многие не хотят присягать новому Императору Николаю Павловичу.

Разумеется, мы этому ничему не верили и запретили прислуге повторять такие нелепости.

Наступило утро рокового дня; казалось, что все шло своей обычной чередой; на улицах ничего особенного не было заметно. В этот день был именинник наш директор Аполлон Александрович Майков, который хотел справлять свои именины у дочерей своих Азаревичевых, живших с матерью в казенной квартире в доме Голлидея на втором этаже (в том самом доме, где и мы жили). Над ними была квартира Катерины Телешовой, с которой граф Милорадович был в коротких отношениях. Часов в десять с половиной графская карета в четверке подъехала к крыльцу со двора, и Милорадович в полной парадной форме, в голубой ленте вышел из нее и пошел, по обыкновению, прежде наверх к Телешовой, потом обещал зайти на пирог к Майкову.

Видя генерал-губернатора в этот день спокойным, мы тоже начинали успокаиваться и были почти уверены, что нелепые вчерашние слухи не имели никакого основания, иначе как бы мог в такой важный день и час генерал-губернатор столицы быть в гостях у частного лица?

Неужели бы эти зловещие городские слухи не дошли до него? Но не прошло и четверти часа по приезде графа, как во двор наш прискакал жандарм, соскочил с лошади и побежал наверх в квартиру Телешовой. Через несколько минут карета графа подъехала к крыльцу, и он, быстро сбежав с лестницы, торопливо сел в карету, дверцы которой едва успел захлопнуть его лакей и которая тотчас же помчалась за ворота. Мы побежали смотреть в окна, выходившие на Офицерскую улицу, и тут увидели батальон Гвардейского экипажа, который шел в беспорядке, скорым шагом, с барабанным боем и распущенным знаменем; ими предводительствовал знакомый нам капитан Балкашин. Уличные мальчишки окружали солдат и, прыгая, кричали: "Ура!"

Быстрый отъезд графа и эта последняя картина мало доброго обещали. Мы с братом начали собираться со двора, чтобы узнать, в чем дело, но матушка наша взяла с нас слово, что мы далеко не уйдем и чтобы не совались в толпу и были осторожнее. [...]

С Гороховой шел Московский полк, также с барабанным боем и распущенными знаменами, и густые толпы разного сброда и особенно мальчишек окружали солдат и горланили: "Ура!" Якубович пожал руку моему брату и, побежав вперед, вскоре скрылся из наших глаз. Поворотя за угол, мы увидели Якубовича, уже без шинели, с обнаженной саблей впереди полка; он сильно кричал и махал своей саблей. Мы взялись с братом за руки, чтобы толпа не оттерла нас друг от друга, и прошли на Дворцовую площадь и там увидели нового Императора в полной парадной форме перед батальоном Преображенского полка. Он был бледен, но на лице его не было заметно ни малейшей робости; он распоряжался молодцом, и с